

ПРОБЛЕМА МИЛОСТИ В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»

Идейное содержание «Капитанской дочки» и, в частности, проблема соотношения милости и правосудия неоднократно становились объектом внимания исследователей.¹ Как правило, идейная структура этого произведения рассматривалась на обширном идеологическом и историческом фоне, причем в зависимости от социально-исторических воззрений Пушкина и их эволюции,² что позволило включить повесть в широкий историко-культурный и историко-философский контекст. Однако данное направление имеет свой недостаток: особенности поэтики и специфика художественного текста несколько отходят в сторону. Вместе с тем эти два аспекта не являются независимыми: при всей очевидной значимости внетекстовых связей художественный текст в значительной степени остается автономным, самостоятельным, построенным по своим собственным законам. И художественная идея, воплощенная в произведении, не может быть понята в отрыве от его структуры.³

Сказанное служит достаточной мотивировкой для постановки следующей задачи: выявить реальное содержание понятия «милость» в пушкинском произведении, опираясь в основном на внутритекстовый анализ. Таким образом, мы ставим заведомо более узкую задачу, чем большинство авторов предшествовавших работ, затрагивавших эту тему, но зато апеллируем непосредственно к тексту художественного произведения как наиболее достоверному источнику информации о подлинных взглядах его автора. Наконец, поскольку «Капитанская дочка» — художественное произведение, изучение любых вопросов — в том числе и идейного содержания — естественно начинать с внимательного чтения ее текста.⁴

* * *

Тема милости в «Капитанской дочке» является одной из центральных. В произведении представлена целая цепь милостей; так, Пугачев и Екатерина милуют Гринева, который ранее сам милостиво обошелся с вожа-

¹ Сравнительно недавно эти вопросы вновь были рассмотрены в работе Ю. М. Лотмана «Идейная структура „Капитанской дочки“» (в кн.: *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 107—124).

² Прежде всего здесь следует выделить работы Ю. Г. Оксмана.

³ Более того, поскольку художественный текст представляет собой данность, оторвавшуюся от творца, необходимо различать идейное содержание произведения, обусловленное его структурой, и внехудожественные высказывания автора на ту же тему, соотношение между которыми может быть самым разным. Кроме того, взгляды автора могут вообще оказаться не акцелированными за пределами художественного текста.

⁴ Необходимость изучения «Капитанской дочки» как художественного произведения специально подчеркивал И. М. Тойбин, справедливо указавший, что «Капитанская дочка» — не историческая монография и к ней нельзя подходить с такими же мерками, как к «Истории Пугачева». См.: *Тойбин И. М.* Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж: Изд. ВГУ, 1976. С. 198—202. Там же обсуждается тема милости (С. 265, 266).

тым, подарив ему тулупчик, и т. д. Попробуем выяснить, почему героям повести неоднократно удавалось добиться милости и с чем связано ее оказание? Нет ли здесь системы, и если есть, то в чем именно она состоит? Проследим за последовательностью случаев оказания милости в «Капитанской дочке», а также за упоминанием самого слова «милость» и родственным ему (за исключением трафаретных выражений типа «милости просим») и попытаемся определить таким образом реальное содержание понятия «милость» в контексте повести.

Слово «милость» появляется уже во втором абзаце: «Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника». Милость князя оборачивается для Гринева необходимостью подчинения чужому решению — его отправляют в глушь. «Но спорить было нечего».

Следующий случай оказания милости, благодеяния — эпизод с тулупом. В ответ вожатый-Пугачев обещает: «Век не забуду ваших милостей». Здесь «милость» является платой за услугу и (как оказывается в дальнейшем) подготавливает возможность новой, встречной «милости». В благодарность за услугу Гринева Пугачев сохраняет ему жизнь («„Батюшка наш тебя милует“, — говорили мне») и затем отпускает его — «миловать так миловать».

Последнее решение было принято после слов Гринева, о которых тот сообщает: «Моя искренность поразила Пугачева». Посмотрим, однако, в чем же заключалась эта искренность. «Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь?» Гринева ссылается на свою зависимость, обусловленную в данном случае воинским долгом, — именно она оказалась в этом эпизоде необходимым условием для оказания милости. Далее Грицев подчеркивает уже непосредственную свою зависимость от того, у кого он находится в руках: «Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — бог тебе судья; а я сказал тебе правду». Именно после этих слов Пугачев принимает свое решение.

Рассмотрим теперь сюжетный узел, в котором тема милости и, шире, оказанной услуги усилена благодаря поступкам сразу трех персонажей. Речь идет о получении Гриневым письма от невесты. Его с риском для жизни передал урядник, воевавший на стороне Пугачева. Услугу, которую урядник оказал Гриневу, можно было бы назвать неопценимой, если бы не одно обстоятельство — уезжая из Белогорской крепости, Гринева отказался в пользу урядника от пожалованной ему Пугачевым полтины: «Очень благодарен, ваше благородие, — отвечал он, поворачивая свою лошадь, — вечно за вас буду бога молить». Как и в случае с тулупом (когда, кстати, также предполагалось вначале дать вожатому полтину на водку), оказался спасительным акт дарения, создавший ситуацию неоплаченного долга. Итак: 1) Гринева и Пугачев оказывают друг другу взаимные услуги во время путешествия в Оренбург; 2) Пугачев воспроизводит услугу Гринева; 3) Гринева вновь оказывает услугу того же типа по отношению к подчиненному Пугачева; 4) тот оказывает услугу Гринева.

Вернемся к эпизоду с письмом. В письме сообщается, что Швабрин принуждает Машу выйти за него замуж. При этом выдвигается следующий аргумент: «Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я ее племянница». Т. е. Швабрин ссылается на оказанную услугу и требует за нее платы.

Рассмотрим теперь случившееся в Бердской слободе. Вот о чем говорит Гринев Пугачеву в критических обстоятельствах: «Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною как ему будет угодно». Причем это говорится после того, как Гринев овладел собой: «Насмешка Пугачева возвратила мне бодрость». Взяв себя в руки, герой высказал весьма разумную в данных условиях мысль: подчеркнул свою зависимость от того, в чьей власти находился. Это сразу же дает результат — разговор переходит с личности допрашиваемого на другую, менее опасную для него тему. Вот что предпринимает Гринев, когда тучи вновь начинают сгущаться над ним: «Я увидел необходимость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачеву, сказал ему с веселым видом: „Ах! я было и забыл благодарить тебя за лошадь и тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замерз бы на дороге“. Уловка моя удалась. Пугачев развеселился. „Долг платежом красен“, — сказал он, мигая и прищуриваясь». Вновь тулуп сыграл благотворительную роль в судьбе Гринева. Причем по сравнению со случаем на площади, когда Пугачев помиловал его, здесь более сложная ситуация. Там Пугачев, оказывая услугу, оплачивал долг. Сейчас он уже «рассчитался» с Гриневым, и тот напоминает не о своей услуге, не о том, что Пугачев ему обязан, а наоборот, что он, Гринев, обязан Пугачеву. Спасительной может оказаться не только «задолженность» внешней силы, от которой зависит герой, но и своя задолженность ей.

В истории с вызволением Маши Мироновой Гринев еще несколько раз подчеркивает свою зависимость от Пугачева: «Я офицер и дворянин; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя»; «Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь. „И ты прав, ей-богу прав!“ — сказал самозванец». Далее Пугачев так объясняет, почему он воспротивился настояниям Белобородова повесить Гринева: «...но я не согласился, — прибавил он, понизив голос, чтобы Савельич и татарин не могли его услышать, — помня твой стакан вина и заячий тулуп». Вновь открыто подчеркивается, что помилование — плата за услугу, причем данное высказывание является психологически достоверным свидетельством о мотивах милующего.

В Белогорской крепости раскрывается обман Швабрина, который при этом попадает в опасное положение. Спасает же его самоуничужение: «Швабрин упал на колени...», «Пугачев смягчился. „Милую тебя на сей раз“, — сказал он Швабрину». При всей разнице поведения унижающегося Швабрина и держащегося с достоинством Гринева здесь есть типологически сходные элементы в стратегии успеха: зависимый человек сознательно отдает себя во власть сильнейшему.

Что касается подчеркивания своей зависимости, то это распространяется и на сферу морали. Окончательного освобождения невесты Гринев достигает, выразив Пугачеву свою благодарность, причем признавшись при этом, что находится перед ним в неоплатном долгу: «Но бог видит, что жизнью моей рад я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал». Результат не замедлил сказаться: «Казалось, суровая душа Пугачева была тронута. „Ин быть по-твоему!“ — сказал он. „Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай“». Пугачев уже упоминал об этом своем обычае в Белогорской крепости, однако оба раза следует ему не по собственной инициативе, а только после слов Гринева, в которых тот обнаруживает тем или иным образом свою зависимость от него.

Далее о милости говорится в главе «Арест»: «Шайки разбойников

злodeйствовали повсюду; начальники специальных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно...» Этот пример особенно интересен тем, что здесь открыто поставлены рядом (единственный раз в повести) понятия «милость» и «самовластье».

* * *

До сих пор мы обсуждали роль милости во взаимоотношениях героя с Пугачевым и его лагерем. Посмотрим теперь на действия Екатерины, совершившей по отношению к Гриневу милость дважды. Первый случай (замена «примерной» казни ссылкой в Сибирь) достаточно ясен, тогда как второй (полное оправдание Гринева в результате заступничества Маши Мироновой) вызывает ряд вопросов: почему миссия Мироновой удалась и как следует оценивать поступок Екатерины?

Принципиальное значение имеет здесь то, узнала ли императрица просительницей. Если нет, то успех предприятия оказывается в значительной мере случайным. Точнее говоря, он определяется целиком одним из двух персонажей — Екатериной (тогда как роль Мироновой становится чисто вспомогательной); речь при этом идет о принятии императрицей решения просто на основании ставших ей известными новых фактов. Ситуация становится принципиально иной, если просительница знает, что говорит с императрицей, но не показывает вида: в этом случае естественно ожидать, что в разговоре каким-то образом происходит незаметное воздействие ее на Екатерину, связанное с учетом особенностей психологии властителя.

Ряд аргументов в пользу того, что Екатерина была узнана, привел М. С. Альтман: «...я полагаю, что Марья Ивановна уже с первого момента встречи с дамой, прогуливавшейся в царскосельском саду, догадалась, что это — государыня: ведь накануне Анна Власьева ей рассказала со всеми подробностями, „в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась“. И этот рассказ Анны Власьевны, считает нужным сообщить Пушкин, „Марья Ивановна слушала со вниманием“. Именно поэтому, учитывая возможность встречи с государыней, Марья Ивановна отправилась в сад как раз в то время, когда там обычно прогуливалась государыня. И именно поэтому она захватила с собой заготовленное ею прошение государыне: кто же рано утром, отправляясь по-домашнему одетой на прогулку, берет с собой прошение?»⁵

К приведенным М. Альтманом аргументам можно добавить следующее. Маша странным образом столь пристально следит за выражением лица незнакомой, казалось бы, дамы и пугается его перемене, как будто заранее ясно, что именно эта дама должна сыграть решающую роль в судьбе Гринева; обратим также внимание, как торопится Маша рассказать собеседнице всю правду: «Я знаю все, я все вам расскажу». Особый смысл в этой связи приобретает замечание повествователя: «словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства», а «похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова» со стороны Екатерины, не разгадавшей замысел собеседницы, неожиданно обнаруживают в контексте произведения ироническое звучание.

⁵ Альтман М. С. Читая Пушкина // Поэтика и стилистика русской литературы. Л.: Наука, 1971. С. 117—118.

М. Альтман ставит вопрос, почему же Марья Ивановна сочла нужным скрыть от императрицы, что узнала ее, и предлагает такой ответ: «Да потому, что иначе между ними не могла бы состояться такая непринужденная и „частная“ беседа. Кроме того, такое поведение соответствует характеру Марьи Ивановны, которая „в высшей степени была одарена скромностью и сдержанностью“». Однако фразы с обилием ерсов в речи Мироновой («Точно так-с: я вчера только приехала из провинции», «Никак нет-с. Я приехала одна», «У меня нет ни отца, ни матери», «Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне», «Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия», «Точно так-с»), представляющие собой лишь ответы на поставленные вопросы в анкетном стиле, не похожи на «непринужденную» беседу. (Сам характер Машиных реплик является еще одним, косвенным аргументом в пользу того, что императрица ею узнана.)

Если учесть, что императрица узнана, ключевым моментом в разговоре становится фраза Мироновой «Я приехала просить милости, а не правосудия». Последующий рассказ не мог не показать, что речь идет по существу просто о необходимости устранить несправедливость; сама Екатерина позднее скажет: «Я убеждена в невинности вашего жениха». То, что устранение несправедливости преподносится как милость, глубоко знаменательно. Как Гринев Пугачеву, Миронова передоверяет Екатерине полное право казнить или миловать, возносящееся выше понятия справедливости и правосудия. И, как в предыдущих событиях повести, такое подчеркивание своей зависимости от властителя как конечной инстанции полностью срабатывает.⁶

Принципиальное значение имело здесь то, что Маша не подала виду, что узнала императрицу. Тем самым просьба о милости выглядит не как жест отчаяния ходатая перед лицом высшей власти, а (с помощью якобы невольных признаний незнакомого собеседнице) как акт свободного выбора человека, искренне убежденного в праве этой власти быть выше справедливости и правосудия. Перед императрицей оказывается подданная, принимающая социальное устройство и свойственные ему человеческие отношения по велению души, а не заявляющая об этом по необходимости или из страха.

По сути дела Миронова совершила очень тонкий ход, основанный на глубоком интуитивном понимании психологии властителя.

Изложенная концепция милости, как она предстает в произведении в целом, позволяет также высказать определенные соображения о переработке Пушкиным текста XI главы («Мятежная слобода») в беловике рукописи. По мнению Томашевского, Пушкин сделал это «явно из стремления как можно более удовлетворить требованиям цензуры».⁷ Однако при анализе творческой истории художественного произведения (а пушкинского в особенности) представляется естественным прежде всего опираться на аргументы, основанные на изучении поэтики и идейной структуры произведения.

⁶ Заметим, что, оказывая милость, Екатерина упомянула, что «она в долгу у дочери капитана Миронова». Вновь совершение милости оказалось мотивированной формой уплаты долга. Рассматривая проблему милости, И. М. Тойбин противопоставлял ситуации Гринев — Пугачев и Миронова — Екатерина на том основании, что Екатерина действует в соответствии с нормами дворянского правосудия, тогда как Пугачев «меньше всего думает (...) о формально-юридической стороне дела» (Тойбин И. М. Указ. соч. С. 265, 266). Однако на фоне такого различия еще больше проступает сходство в тех психологических импульсах, которые обусловили принятие властителем желаемого для протиста решения.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. VI. С. 537.

Важное расхождение между беловиком рукописи и опубликованным вариантом заключается в том, что в них по-разному решается вопрос о виновности / невинности Гринева. «По белой рукописи главы, — пишет Ю. М. Лотман, — Гринева во время военных действий самовольно оставял свой пост и добровольно отправлялся в лагерь врага («Я направил путь к Бердской слободе, пристанищу Пугачева», VIII, I, 345), а не был насильно захвачен пугачевцами во время попытки пробиться в Белогорскую крепость. Это, бесспорно, преступление с точки зрения военного суда».⁸ По мнению Лотмана, в случае невинности Гринева «слова Маши Мироновой о том, что она ищет „милости, а не правосудия“, теряют всякий смысл. Ведь если Гринева не сказал суду всей правды, которая могла его совершенно обелить, поскольку боялся впутать Машу, то у нее самой в разговоре с императрицей таких побуждений быть не могло, и, следовательно, ей ничего не стоило восстановить правосудие, если оно было нарушено».⁹ Однако, как мы пытались показать, именно несоответствие слов Маши истинному положению дел и составляет самую соль ее замысла: в мире, в котором живут герои, для успеха спасительной миссии необходимо поставить ее объект в положение человека, которому оказывают милость. Если бы Гринева (как это было в рукописи) действительно совершил воинское преступление, апелляция Мироновой к милости была бы просто вынужденным поступком, не имеющим никакого отношения к художественной идее повести. Именно значимое несоответствие между словом и делом и создает художественный эффект.

Таким образом, даже если принять, что толчком для изменений в повести послужили цензурные соображения, конечный результат этих изменений имеет художественное значение.

Концепция милости, представляющая в «Капитанской дочке», позволяет, возможно, пролить свет на еще один эпизод из творческой истории произведения. Выше мы не раз убеждались в том, что милость так или иначе связана в нем с зависимостью или уплатой долга и не оказывается по свободному волеизъявлению. Тем более показательны два исключения из этого правила. Одно из них — первоначальное изменение Екатериной тяжести приговора. Другой пример относится к главе, которая не вошла в повесть, — «Пропущенной главе». Оба случая подтверждают, что обычное, по свободному волеизъявлению проявление милости приводит к неполному, дефектному результату или вообще несовместимо с художественным миром «Капитанской дочки».

В эпизоде с бунтом в «Пропущенной главе» семья Гринева (Буланина) и его невеста попадают в ситуацию, где их жизнь существенно зависит от действий Швабрина. Однако по сравнению с другими подобными моментами в повести данная ситуация выглядит упрощенно, так как принципиально не может быть разрешена действиями, связанными с получением или оказанием милости: поведение Швабрина однозначно и предсказуемо. Когда же бунтовщики попадают во власть старшего Гринева (Буланина), следует оказание милости в «чистом виде», без характерного для повести акцента на собственной зависимости искателей милости от воли оказывающего ее (признание мужиков «Виноваты, государь ты наш» носит

⁸ Лотман Ю. М. Идеальная структура «Капитанской дочки». С. 120. Как и Томашевский, Лотман связывает изменения в тексте исключительно с влиянием цензуры: «Показательно, что даже 60 лет спустя такой сюжет невозможно было надеяться провести сквозь цензуру. Однако именно он отражает подлинный замысел Пушкина, и лишь он полностью объясняет дальнейшее развитие событий» (Там же).

⁹ Там же. С. 119.

характер автоматизированного поведения, основанного на патриархальных нормах; значимая в случае Гринева и его невесты проблема нахождения правильного поведения перед лицом властителя здесь не стоит). Получилось, что в «Пропущенной главе» проблема милости подверглась двойному упрощению: с одной стороны — персонаж, от которого ни при каких условиях нельзя ждать милости, с другой — персонаж, который оказывает милость «просто так», от чистого сердца.

То обстоятельство, что данная глава не вошла в текст повести, обычно объясняется внешними по отношению к творчеству соображениями (как и переработка сюжета в XI главе). Однако, как мы видели, в обоих случаях у Пушкина могли быть глубокие основания чисто художественного характера, причем имеющие единую природу.¹⁰

Проблема милости в пушкинском произведении встает в основном в ситуациях выбора, чреватых трагическим исходом. Однако можно указать на сходное проявление концепции милости также и в ситуации скорее комической. Савельич в первых же строках своего письма Гриневу-старшему упоминает слово «милостивый»: «Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый! Милостивое писание ваше я получил». Далее подчеркивается, что он, Савельич, — верный слуга и раб. В конце письма снова говорится о зависимости: «А изволите вы писать, что сошлете меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За сим кланяюсь рабски. Верный холоп ваш Архип Савельев». Из содержания письма совершенно ясна несправедливость упреков барина; иронический тон послания очевиден. Формально Савельич действует так же, как Миронова в разговоре с Екатериной: высшей силе сообщаются сведения, из которых следует, что ее гнев был несправедлив (так что речь, казалось бы, должна идти об устранении несправедливости), и одновременно подчеркивается полное право высшей силы поступать по своему усмотрению. В этом смысле эпизод с письмом оказывается пародией на эпизод встречи Маши с Екатериной. Подчеркнем, что присутствие двух различных вариантов (трагического и комического) лишний раз указывает на наличие общей, инвариантной структуры, связанной с концепцией милости в произведении.

* * *

Согласно сделанным наблюдениям, в повести вырисовывается следующая система оказания и получения милости от высшей силы.

1) Милость не оказывается по свободному волеизъявлению, она связана с уплатой долга (значимые исключения из этого правила обсуждались), т. е. зависимостью должника от кредитора. Поэтому оказывается выгодным быть кредитором.

2) Нужно дать почувствовать высшей силе зависимость от нее, чтобы спастись ее милостью. Поэтому выгодно быть не только кредитором этой силы, но и ее должником.

Эти варианты неравноценны с точки зрения активности героев: если первый вариант, как правило, реализуется спонтанно, то второй оказывается результатом целенаправленных (хотя, возможно, не до конца осознанных) усилий.

¹⁰ С другой точки зрения на возможную роль мотивов милости в содержании «Пропущенной главы» и творческой истории «Капитанской дочки» посмотрел В. С. Листов в работе «„Пропущенная глава“ в контексте двух редакций романа» (в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 246 — 252).

Остановимся на культурно-типологическом аспекте проблемы соотношения между милостью и правосудием в «Капитанской дочке». А именно, поведение героев в поворотные моменты их жизни, связанное со вторым из указанных выше вариантов, может быть описано архаической моделью, основанной на «вручении себя». При этом «одна сторона отдает себя другой без того, чтобы сопровождать этот акт какими-либо условиями, кроме того, что получающая сторона признается носителем высшей мощи».¹¹ То обстоятельство, что в повести происходит целая цепь взаимных услуг и дарений, которые, казалось бы, должны оцениваться как «договор», лишь подчеркивает абсолютное доминирование «вручения себя» над «договором» (милости над правосудием) в том, что касается социально осознанного поведения человека.

Что касается первого из указанных выше вариантов, то он не вписывается в схему «договора» по двум причинам. Во-первых, это связано со спонтанностью действий героя, которые оборачиваются впоследствии спасением или ответной услугой неожиданным, непредсказуемым образом, на что герой специально не рассчитывал.¹² Во-вторых, и это следует подчеркнуть, герой в принципе лишен самой возможности предлагать высшей силе какие бы то ни было условия и даже напоминать о своей услуге. Решение об «уплате долга» принимается высшей силой в одностороннем порядке.

По самому своему смыслу понятие «милость» тесно связано с неравенством: высший оказывает ее низшему, находящемуся от него в зависимости. В таких условиях можно выделить три варианта поведения человека, попавшего внутрь системы, где индивидуальная свобода сильно ограничена. Первый из них — проигнорировать эту систему (как это делает отец Гринева), второй — как это делает Пугачев — изменить саму систему или свое место в ней, поднявшись на наивысшую иерархическую ступеньку. Первый вариант оборачивается отстранением от дел (социальной смертью героя), тогда как второй — реальной гибелью. Гринев и его невеста выбирают третий путь; они спасают свою (и друг друга) жизнь и свободу, используя свойства существующей системы: коль скоро милость — необходимый элемент спасения, они провоцируют ее оказание.

В мире, представляющем в повести, трудно выжить. За внешней простотой пушкинского рассказа о том, как в результате цепи благодеяний и милостей события привели к благополучному концу, скрываются глубинные корни явлений, выражающие их истинную природу. В сложных условиях герои, интуитивно ли, сознательно ли, находят верную линию поведения, которая их спасает. В ситуации, когда каждая ошибка чревата катастрофой, все могло кончиться и иначе. Здесь уместно привести слова В. С. Узина, сказанные им по другому поводу (о концовках в «Повестях Белкина»): «...под внешним покровом изображенных в „Повестях“ событий таятся роковые возможности... И пусть все видимо кончается хорошо: это может служить утешением Митрофанушке; одна возможность иного

¹¹ Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Учен. зап. Тартуск. ун-та. 1981. Вып. 513. С. 3—16.

¹² Однако в том, что эти действия приводят к успеху, есть своя логика судьбы, которая предстает в произведении не как жесткая предопределенность, а в значительной мере как результат проявления воли и характера человека. См. об этом: Шмид В. Проза как поэзия. Статьи о повествовании в русской литературе. СПб., 1994. С. 89—99. В этой же работе показано, что большая часть ключевых поступков героев может быть понята как развертывание речевых клише, одним из которых является «Долг платежом красен», что имеет прямое отношение к обсуждавшимся нами условиям оказания милости.

решения преисполняет нас ужасом».¹³ В обстоятельствах, когда жизнь и свобода зависят от возможности получения милости, судьба человека неустойчива. Здесь объективно существуют два источника надежды — утопическое упование на личные достоинства высшей силы¹⁴ или опора на собственное понимание этого мира и умение действовать в неблагоприятной обстановке, обратив себе на пользу даже пороки существующей системы, что и демонстрируют герои «Капитанской дочки».¹⁵

В мире, изображенном в повести, особенно трудно выжить, сохранив достоинство: законы этого мира требуют подчинения — безропотного или притворного. То, что Гриневу и его невесте удастся спастись, ни разу не поступившись собственным достоинством, — их несомненная заслуга, наполняющая особым смыслом эпиграф к повести: «Береги честь смолоду».

* * *

Получение милости позволяет героям «Капитанской дочки» добиться в конце концов их главной (помимо жизни и свободы) цели — достижения личного счастья. Поскольку милость оказывается при этом со стороны носителей высшей власти, это делает значимым в повести противопоставление интимного, семейного и социального, государственного. Государственное здесь постоянно вторгается именно в ту сферу человеческой жизни, которая носит наиболее личный характер и где вторжение извне противопоказано в наибольшей степени, — реализация частной жизни оказывается возможной только благодаря содействию соответствующим образом направленных социальных сил. Более того, на протяжении всего произведения происходит переплетение мотивов семьи и государства. Рассмотрим это подробнее.

Гринеv направляется на военную, государственную службу в провинцию вопреки его желанию, причем в качестве принудителя выступает его собственный отец. Тема отца затрагивается в произведении еще раньше — в эпиграфе из Княжнина, где речь также идет о государственной службе. Более того, Гринеv сообщает: «Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника». Тем самым оказывается, что государственное вторгается внутрь семейного едва ли не буквально, проникая в утробу матери еще не рожденного героя. Причем способствовал такой процедуре родственник, майор гвардии — одновременно указаны и наличие родственной связи, и чин на государственной службе.

¹³ Узин В. С. О «Повестях Белкина». Из комментариев читателя. Пг.: Аквилон, 1924. С. 18.

¹⁴ См.: Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя»...

¹⁵ Согласно концепции Лотмана, в произведении Пушкина бесчеловечности общественно-политических систем противопоставлена гуманная человеческая воля тех, кто стоит во главе обоих лагерей — Пугачева и Екатерины. При этом оказание милости предстает так, что «люди политики, вопреки своим убеждениям и „законным интересам“, возвышаются до простых человеческих душевных движений». «В основе авторской позиции, — утверждает ученый, — лежит стремление к политике, которая возводит человечность в государственный принцип, не заменяющий человеческие отношения политическими, а превращающий политику в человечность» (Там же. С. 120). Это позволяет Лотману выявить наличие утопических мотивов в произведении. Однако все эти рассуждения не учитывают психологическую структуру ситуации, в которой оказание милости становится возможным и которая связана с актуализацией отношений зависимости. По нашему мнению, в «Капитанской дочке» как раз подчеркнута неустойчивость мира, построенного на столь шатких основаниях, как личные качества носителя верховной власти.

Когда Гринев стремится освободить свою *невесту* после получения ее письма, организация помощи зависит от решения его *начальника по службе*, к которому он обращается, используя *семейную терминологию*: «Ваше превосходительство, — сказал я ему, — прибегаю к вам, как к отцу родному».

Характерно, что подобная терминология используется в повести не только при обращении к «своим», но и к «чужим», вплоть до обращения к заведомому врагу перед неминуемой гибелью: «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Здесь «дядюшка» может быть интерпретировано как ироническое разоблачение ложных притязаний самозванца на роль «отца родного», т. е. государя, каковым он является для пугачевцев («Батюшка наш тебя милует, — говорили мне»). К той же терминологии, но в прямом, не сниженном варианте прибегают Савельич, желающий спасти Гринева: «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти?» Обратим внимание, что семейно-родственная терминология значима здесь не только при обращении к адресату, но и в определении объекта просьбы (упоминание «барского дитяти»). Контекст актуализует различные оттенки смысла слова «дядька»: Савельич не только является слугой («дядькой»), но, выступая как спаситель и самоотверженный заступник Гринева, проявляет себя как член его семьи. Если в устах Ивана Игнатьича «дядюшка» означало разоблачение ложных «семейных» связей, то здесь «дядька» неожиданно обнаруживает гипертрофию родственного. Таким образом, контекст актуализует словоформу «дядя» в целом, по отношению к которой оба рассмотренных случая оказываются вариантами, причем формально ласковое «дядюшка» используется для инвектив врагу, а грубоватое «дядька» характеризует близкого человека (стилевой оттенок в последнем случае становится осязатим только благодаря контексту; само по себе слово «дядька» как «слуга» им, естественно, не обладает). В этой же сцене Савельич обращается к Гриневу как к «батюшке»: «Батюшка Петр Андреич! — шептал Савельич...»

Переплетение семейных и социальных мотивов свойственно также сну Гринева. На месте его отца оказывается чернобородый мужик, «ласково» предлагающий «благословение», что может быть интерпретировано как разрушение семьи враждебными социальными силами. Претендуя на роль отца, страшный мужик создает угрозу разрыва или деформации семейных связей сразу по двум направлениям. С одной стороны, это затрагивает отношения Гринева и его родителей, с другой — образование новой семьи. События повести подтвердили и то и другое: Гринев-старший был готов счесть сына изменником из-за его вынужденных контактов с Пугачевым, от которого во многом зависела возможность Гринева-младшего устроить свое личное счастье.

Значит, сон Гринева оказывается вещим не только в отношении тех или иных конкретных событий — сознание Гринева сумело «в неясных видениях первосония» уловить самую суть происходящего: вторжение государства и социума внутрь судьбы человека, его частной жизни.¹⁶ Для

¹⁶ Гершензон, рассмотревший структуру сна Гринева в работе «Сны Пушкина» (в кн.: Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. М., 1919. С. 96—110), был склонен считать вещей лишь ту часть сна, которая предвещала бунт. Появление же мотивов семьи он объяснял следствием переживаний Гринева, вспоминавшего своего строгого отца после крупного проигрыша в пьяном виде. Однако сопоставление структуры сна со структурой произведения как целого позволяет нам заключить, что вопреки соображениям Гершензона сон является вещим целиком, причем предметом невольного предсказания становятся не только и не столько события сами по себе, сколько связанные с ними отношения между людьми.

нейтрализации такого вмешательства и необходимо искусно спровоцировать высших носителей этих враждебных сил на «милость» с помощью подходящим образом подчеркнутого «вручения себя во власть» (как это обсуждалось выше): тема милости переплетается с темой семьи.

Герои повести находятся в ситуации, когда человек лишен полной свободы поведения из-за обрушившейся на него социальной стихии. В зависимости от расположения высших сил, управляющих судьбой человека, возможен самый разный исход. Соответственно этому носитель высшей власти приобретает противоречивые черты злодея и благодетеля по отношению к одному и тому же человеку (по вине Пугачева погибли родители Маши Мироновой, но он же избавил ее от домогательств Швабрин и сделал возможным ее брак с Гриневым).

В то время как для Гринева (и его невесты) вмешательство социальных сил в частную жизнь является злом, подлежащим нейтрализации (так что обращение к соответствующей силе носит вынужденный характер), его антипод Швабрин, напротив, пытается апеллировать к этим силам специально для устройства своей частной жизни. Марья Миронова пишет в письме Гриневу о Швабрине: «Он обходится со мною очень жестоко и грозитя, коли не одумаюся и не соглашусь, то привезет меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой». При освобождении Мироновой Швабрин прямо обращается к Пугачеву, называя его *государем* и одновременно раскрывая *семейное* положение Маши как дочери казненного капитана.

Подчеркнем, что в самом названии произведения реализована тема связи социального и семейного: «капитанская» относится к сфере государственного, «дочка» — к сфере семейного. С учетом рассматриваемого контекста здесь можно увидеть еще один пример столь характерных для Пушкина оксюморонных названий.¹⁷

Переплетение мотивов семьи и государства проявляется также в выборе имен героев. Гринев-младший носит то же имя, что и его дед, причем это имя — Петр. Пугачев же выступал под именем Петра III, носившего то же имя, что и его дед — активный строитель российского государства царь Петр I. В таком контексте самозванство Пугачева удваивается: значимой становится ложность притязаний не только в государственной, но и семейной сфере. Соответственно особый смысл приобретает и закономерный двойной крах Пугачева — ложного царя и ложного внука Петра I. В то же время неизбежному распаду эфемерных связей, относящихся к Пугачеву, противопоставлена подлинная связь поколений в семье Гриневых. В конце повести «издателем» сообщается, что рукопись была доставлена одним из внуков Гринева; история создания (несмотря на препятствия) семьи стала известной благодаря одному из потомков. Подчеркнем еще раз, что сопоставление семьи Гриневых и Пугачева в указанном смысле оказывается возможным благодаря наличию двух пар с именем «Петр».¹⁸

¹⁷ См.: Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 145—180.

¹⁸ В неоконченном романе Лермонтова «Вадим», действие которого, как и в «Капитанской дочке», происходит во время восстания Пугачева, встречается аналогичное двойное воспроизведение того же имени: отчество Палицына — Петрович, сына солдатки зовут Петр. Есть основания полагать, что это — не случайное совпадение и что в произведении происходит переплетение мотивов семейного и социального, реализованное при помощи того же приема, что и в «Капитанской дочке». (Этот вопрос рассмотрен нами в другой работе — «Роль темы отца в замысле „Вадима“»). По существу совпадение имен двух государей — деда и внука, в сочетании с феноменом самозванчества и связанным с ним восстанием, создало в самой истории

В заключительном абзаце, принадлежащем «издателю», упоминается имя Екатерины II. Хотя это имя (как и имя Петра) — историческая данность, рассматриваемый контекст и в нем актуализует соответствующие оттенки смысла, связанные с темой разных поколений и соотношения государственного и семейного. А именно, число «два» в данном случае означает лишь, что среди предшественников Екатерины по трону уже была одна Екатерина: воплощенная в имени связь носит чисто государственный, а не семейный характер. (Заметим, что хотя, как указывает «издатель», в опубликованной рукописи переменены «некоторые собственные имена», это не отразилось на связанной с именами смысловой структуре.)

Екатерина II, Пугачев и Гринев реализуют соответственно три типа генетических связей, значимость которых подчеркнута с помощью имен: государственную, ложно-государственную в сочетании с ложно-семейной и, наконец, просто семейную — наиболее естественную, подлинную человеческую связь.

Подведем итоги. Прделанный нами анализ свидетельствует в пользу того, что «государственное» и «личное» являются в художественном мире произведения антонимами.¹⁹ Оказание милости человеку со стороны высшей власти говорит не столько об имеющих утопический оттенок надеждах Пушкина на отделение личности властителя от государственной машины,²⁰ сколько о принципиальном несовершенстве и даже враждебности человеку мира, в котором такое оказание милости необходимо для устроения личного счастья. Что касается надежд, выраженных Пушкиным в этом произведении, то они, скорее, связаны с возможностями отдельной личности, способной противопоставить этому миру для реализации своей судьбы действия, основанные на понимании его законов. При таком понимании ссылка на утопизм делается излишней и художественная мощь произведения проявляет себя в полной мере.

естественную предпосылку для появления литературного сюжета, основанного на переплетении семейной и государственной линий: сама реальность оказалась сюжетопорождающим механизмом. В работе Ю. И. Левина «Зеркало как потенциальный семиотический объект» (Труды по знаковым системам. Тарту, 1988. Т. 22. С. 6—24) был поставлен вопрос о возможности вывода семиотических свойств объекта непосредственно из его материальной природы. В нашем случае мы сталкиваемся с любопытным примером как раз подобного рода, когда роль первичной семиотизируемой реальности выполняют не материальные свойства объекта, а исторические факты, уже содержащие в себе (на первичном уровне) определенные семиотические отношения, связанные с именами царской династии.

¹⁹ Сделанные наблюдения позволяют также взглянуть под соответствующим углом зрения на некоторые обстоятельства биографии Пушкина. 16 апреля 1830 года Пушкин пишет Бенкендорфу в связи с предстоящей женитьбой и опасениями матери невесты (она «боится отдать дочь за человека, который на дурном счету у государя») о возможной роли государя в своей личной жизни: «Счастье мое зависит от одного благосклонного слова того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность». В ответном письме от 28 апреля 1830 года Бенкендорф сообщает о «чисто отеческом» благоволении царя. 7 мая 1830 года Пушкин сам пишет о «чисто отеческой благожелательности» государя. Перед женитьбой определенные хлопоты Пушкину доставила, как известно, медная статуя Екатерины, принадлежавшая Гончарову. За разрешением расплавить эту статую Пушкин был вынужден вновь обратиться к Бенкендорфу. Причем статую императрицы (кстати, той самой, от которой столь зависело счастье героев его будущей книги) Пушкин в ряде писем называл *бабушкой*, используя, таким образом, семейную терминологию. История со статуей вписывается в «скульптурный миф» Пушкина (*Якобсон Р. О.* Указ. соч.), сам по себе связанный с губительным воздействием высших сил на личную жизнь персонажей и имеющий биографические параллели.

²⁰ *Лотман Ю. М.* «Договор» и «вручение себя»...

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

1996

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Ю. В. Стенник. Роль Екатерины II в развитии русской литературы XVIII века	3
Н. Е. Мясоедова. Подходы к изучению «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина	21
О. Б. Заславский (Украина). Проблема милости в «Капитанской дочке»	41
А. А. Фомушкин. Язык эмоций персонажей М. А. Шолохова и Ф. Д. Крюкова (к проблеме авторства «Тихого Дона»)	53
Ф. Р. Балонов. «Чисел не ставим, с числом бумага станет недействительной...» (мнимый антихрист у Льва Толстого и Михаила Булгакова)	77

Алиция Романович (Италия). Проблема жизни и смерти в «Освобождении Толстого» Бунина	93
Клер Ошар (Франция). «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина	101
Криста Эберт (Германия). Образ автора в художественном дневнике Бунина «Окаянные дни»	106
С. Ю. Ясенский. Пассеизм Бунина как эстетическая проблема	111

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Б. И. Яценко (Украина). Дмитрий Ростовский и «Слово о полку Игореве»	117
С. А. Фомичев. Уточненные пушкинские тексты (из материалов нового академического полного собрания сочинений А. С. Пушкина)	122
Из истории публикации «Воспоминаний» В. А. Энгельгардта: по переписке автора (публикация А. Д. Мальцева)	133